

Эсиг флейш (С.Флор)

Май 2002 года. Прага, гостиница «Редиссон-Сакс». В холле гостиницы то здесь, то там слышатся незамысловатые трели. Это, не переставая, звонят мобильные телефоны Каспарова, Крамника, их менеджеров, журналистов. Решается вопрос об объединении шахматного мира, о матче на первенство мира.

Май 1938 года. Та же гостиница на Степаньской улице, известная всем пражанам под названием «Алькрон». Здесь подписывается соглашение о матче на мировое первенство, который должен состояться в следующем году в нескольких городах Чехословакии. Финансирует его крупнейший обувной фабрикант Европы Томаш Батя, им же гарантирован необходимый призовой фонд в 10 000 долларов. Повсюду в Праге можно видеть портреты улыбающегося молодого человека, призывающего покупать ботинки только этой фирмы. Его имя — Сало Флор.

Историческая сцена в гостинице «Алькрон» была заснята на пленку и показана в пражских кинотеатрах. Соглашение о матче подписали чемпион мира Александр Алехин и претендент на это звание Сало Флор.

Если выйти из гостиницы «Алькрон» и через переход Люцерн пройти на Водичкову улицу и повернуть направо, то очутишься у здания, тоже известного всем пражанам: «У Новака». До войны здесь помещалось варьете, а днем в кафе собирались шахматисты.

Летом 1931 года «У Новака» проводилась IV шахматная Олимпиада, называвшаяся тогда Турниром наций. Собрались все сильнейшие гроссмейстеры мира во главе с Алехиным. Как и на прошлогоднем Турнире наций в Гамбурге, команду Чехословакии возглавлял Сало Флор. Ему двадцать два года. Кажется невероятным, но еще восемь лет назад он не умел играть в шахматы. Игре обучил его старший брат Мозес, когда Сало было уже тринадцать, и игра захватила его сразу.

Сеанс одновременной игры вслепую Жака Мизеса - маленькое чудо, на которое мальчик смотрит во все глаза. Проходит полгода, и Сало уже сам играет в сеансах с теми, с кем очень скоро ему придется встречаться за доской один на один: Алехиным, Рети, Шпильманом. Он посещает шахматный клуб Прокеша, участвует в турнирах. Сало играет в острокомбинационном стиле, он атакует, жертвует пешки и фигуры. Успехи его растут. Флор трижды побеждает на мемориалах Каутского, где играют все сильнейшие шахматисты страны: Громадка, Опоченский и другие. В эти годы Сало Флора почти не видно в пражских кафе. Он появляется лишь на короткое время, чтобы выпить чашечку кофе. И в шахматных клубах Сало не задерживается после того, как сыграны партии. Что он делает целыми днями? Рискну предположить: занимается шахматами.

Это было время, когда память свежа, податлива и остра, всё врезается в нее само собой и остается навсегда. Ему был дан от природы абсолютный шахматный слух: Флор принадлежал к

той редкой категории людей, которые уже знают то, чему никогда не учились. Годы спустя он скажет: «Шахматист, как музыкант, должен иметь в кончиках пальцев чувство — какую фигуру, когда и на какое поле поставить». Это чувство было дано ему от рождения, оставалось только отполировать его.

Шахматными университетами Флора становятся турниры, которые он освещает, будучи корреспондентом чешских газет. В этом качестве он и появляется впервые на международной сцене. Он видит Ласкера, Капабланку, Нимцовича, Рубинштейна, Шпильмана, Маршалла, Рети, Тартаковера. Он наблюдает за их игрой, анализом после партий. Международный язык шахматистов тогда — немецкий, и газеты, в которые пишет Флор, тоже выходят по-немецки: «Bohemia», «Prager Tageblatt». Для него это совсем не трудно: еврейское население составляло тогда значительную часть немецкоязычной общины Праги.

Время действия — 1928 год. Место - Берлин, переполненное кафе «Кёниг». Турнир газеты «Berliner Tageblatt». Зарисовка с натуры Ганса Кмоха: «Особенно обращает на себя внимание корреспондент из Праги, по внешнему виду которого хочется сострадательно предложить ему ладью вперед. Он, однако, этой предупредительности никакого значения не придает, наоборот, очень охотно идет на повышение ставки и выигрывает с прямо-таки раздражающей систематичностью. Сто раз ему уже говорили, кричали, что он несчастный пижон, что он во всех партиях стоял на проигрыш и выигрывает только благодаря безумному везению. Но этот корреспондент глух, он улыбается, продолжает неумолимо играть и побеждает даже самых постоянных посетителей. Ему сажают более сильных партнеров - он продолжает выигрывать. Тогда хотят, чтобы он сразился с кем-либо из мастеров, однако те не проявляют особой охоты и по возможности уклоняются от игры. Храбрецы же должны вскоре убедиться, что имеют дело с ужасно крепким орешком... Как же его фамилия? Да, действительно Флор! Эту фамилию придется запомнить».

Рекомендательное письмо на свой первый международный турнир он получил от Нимцовича. Турнир в Рогатска-Слатине (1929) оказался сильным. Тем не менее Флор занимает второе место, позади Рубинштейна, но опередив Мароци и Грюнфельда; выигрывает у Земиша, который когда-то в сеансе объявил ему мат на 13-м ходу. Турниры, гостиницы, города, страны — жизнь кажется легкой и многообещающей, и невозможно еще предсказать, какими крутыми окажутся виражи истории 20-го века.

У Флора не было тренеров, секундантов; всё, чего он добился в шахматах, было достигнуто за счет природного таланта и опыта, приобретенного на практике. Он занимался шахматами, переезжая из страны в страну и с турнира на турнир, во время соревнований и в короткие промежутки между ними.

Этот подход к игре повторили лучшие шахматные профессионалы Запада 70—80-х годов прошлого века, такие разные по стилю и судьбе: Ян Тимман, Тони Майлс, Любомир Любоевич, Уолтер Браун, Ульф Андерссон. Пожалуй, именно Андерссон своего лучшего периода, с классическим, прозрачным стилем игры и выдающейся техникой, более всего напоминал молодого Флора.

На фотографиях того времени он удивительно похож на Чарли Чаплина: маленького роста брюнет с резко очерченными глубокими глазами, приглаженные волосы с узкой ниточкой пробора, тонкие черты лица, брови взлет, всегда в костюме и при галстуке, завязанном широким узлом.

В 1933 году Флор играет на Олимпиаде в Фолкстоне. Ему двадцать пять лет. Во время одного из матчей в зале появляется девушка. Ей всего восемнадцать, она чешка и ее зовут Вера Мейснерова. В Фолкстоне она изучает английский язык. Жизнь здесь довольно скучная, и она с подругами решает посмотреть на необычное зрелище.

Их роман длится больше года: они видятся в Англии, в Праге, пишут друг другу едва ли не каждый день. Чешский язык Сало достаточно хорош, но когда он говорит на нем, сразу слышно, что это не его родной язык, поэтому они чаще говорят по-немецки, самом сильном языке Флора. Дело шло к свадьбе, но родители Веры воспротивились браку, жизнь каждого из них пошла по своему руслу, но всякий раз, приезжая в Чехословакию, Сало Флор виделся с ней, в последний раз за год до смерти. Сейчас пани Мейснеровой восемьдесят семь, она живет в маленьком городке недалеко от Праги.

В это предвоенное десятилетие Флор не раз опережает в турнирах бывших и будущих чемпионов мира. Его имя произносится на одном дыхании с именами Ласкера, Капабланки, Алехина, Эйве. На матч с Алехиным Флор был рекомендован ФИДЕ, выиграв голосование со счетом 8:5 у другого кандидата. Имя этого кандидата? Хосе Рауль Капабланка.

Ботвинник, вспоминая те годы, признается, что «перед Флором трепетали, сравнивали его с Наполеоном». Высоко оценивал его и Керес: «Я много раз встречался с Флором за доской, а также анализировал с ним, и больше всего мне нравится в нем ясная оценка позиции и выдающееся общее мастерство в позиционной игре. Никто из остальных шести претендентов не может в этом отношении с ним сравниться».

А вот как комментировал успех Флора в московском турнире 1935 года Эйве: «Результаты турнира соответствуют всеобщим ожиданиям. Флор, который должен рассматриваться как лучший турнирный боец современности, эффектно укрепил свою репутацию».

Сам Ласкер, скупой на похвалы, так отзывался о нем: «За последнее время, начиная приблизительно с 1932 года, среди шахматной молодежи сложилось направление, которое проявляет интерес к индивидуальным, неповторимым особенностям позиции и держится в стороне от всякого рода легковесных, поверхностных обобщений. Пионером этого течения был Флор».

В эти годы уже сформировались стиль и манера его игры. Сало Флор - блистательный позиционный шахматист, мастер использования малейшего преимущества, выдающийся техник, понявший, что шахматы — это простая конечная игра, цель которой — мат неприятельскому королю. Он — профессионал самого высокого класса. Кто лучше Флора мог использовать преимущество двух слонов, изолированную пешку, слабый пункт в позиции соперника?

Он как-то написал: «Для меня сосчитать форсированную комбинацию на десять ходов значительно легче, чем найти в стратегически простом положении один, но единственно лучший ход». Флор владел этим сложнейшим компонентом игры — умением разыгрывать простые позиции. Тем, что спустя сорок лет довел до совершенства Карпов.

Флору принадлежит выражение: две половинки — одно очко (хотя в конце своей карьеры он советовал придерживаться утверждения, что две половинки — один проигрыш). Он не имеет права занимать низкие места, проигрывать, поэтому надо свести риск к минимуму. И Флор проигрывает редко, очень редко. Побеждать слабых и делать ничьи с сильными — вот его

девиз. На турнире в Кемери (1937), например, Флор выигрывает у семи участников, оказавшихся в нижней половине таблицы, и делает ничьи с первой десяткой. В середине 30-х годов был период, когда он, сыграв сто партий в сильных турнирах, проиграл только одну!

Может быть, поэтому страдание и горечь после проигрыша были для него по шкале эмоций несравнимы с радостью от выигрыша.

Флор тяжело приходил в себя после поражений или просто неожиданных перегрузок во время партии. В матче против Ботвинника (1933) после двух нулей подряд он предлагает в двух оставшихся партиях закончить дело миром, а через два года в Москве, лидируя вместе с тем же Ботвинником, он снова предлагает им обоим не играть в последнем туре, предложив ничьи своим соперникам. И в обоих случаях получает согласие. В московском турнире 1936 года Флор в партии с Капабланкой, попав в сильный цейтнот, «поплыл» в совершенно выигранной позиции и позволил кубинцу уйти на ничью. Это подействовало на него так, что он проиграл в турнире — неслыханно!

- четыре партии.

Глобальная установка «не проигрывать» имеет и другие теневые стороны: пропадает недовольство собой от ненайденных маневров, неслучившихся комбинаций, от жертв, на которые не решился, потому что основная цель выполнена — партия не проиграна. Как расплата за уклонение от борьбы всё реже приходит вдохновение -интеллектуальный энтузиазм и власть держать свои способности в напряженном состоянии.

В его наследии трудно найти партии, которые он бы выиграл нокаутом; обычно он побеждал по очкам. И слова Флора «по партиям Файна, замечательного практика, можно учиться, но восхищаться ими трудно» можно отнести к нему самому.

Результаты Флора впечатляли, но не всем, однако, нравился его стиль игры и отношение к шахматам. Во время турнира 1935 года один московский поэт, наблюдая за игрой Флора, сказал:

Как странно юным быть,

А жаться, как старик...

Но критика пришла и со стороны коллег. Понятие «файно-фло-ровский стиль» было пущено в обиход Романовским и подхвачено журналом «Шахматы в СССР» в грозном 37-м году: «Советские шахматиста могут творить и бороться свободно. Над ними не висит дамоклов меч материальных соображений и расчетов, давление которого так хорошо знакомо буржуазному профессионалу. Шаблон, стандарт, рутинная, голая техника, всё, что не без основания квалифицируется Романовским как «файно-флоровский стиль», органически чужды творчеству советских мастеров».

«Флор, — писал Романовский в другой статье, — поднявший знамя рутины над всем шахматным миром, пытается доказать неизбежность завоевания им в будущем звания мирового чемпиона». И риторически вопрошал: «На кого в конце концов равняться? На ругинера-прозаика Флора, на строгого стратега Эйве, на дебютмейстера Раузера или на «антирутинера» Рюмина и экспериментатора Рагозина?»

В 1937 году «буржуазный гроссмейстер, представитель капиталистического Запада», как писали о Флоре советские газеты, еще не был подданным СССР и мог писать то, что думал, а не то, что следовало думать. Многие строки из его ответа Романовскому не потеряли своего значения

и сейчас:

«Молодой мастер часто начинает свой путь с бурных комбинаций. Затем под влиянием опыта жизни он эволюционирует в сторону современной игры. Этот процесс неизбежен. В противном случае молодой «комбинатор» не поднимется выше среднего уровня и будет оттеснен более совершенными шахматистами». Вспоминая окончание шестой партии из матча с Ботвинником, Флор писал: «Я доказал, что этот трудный эндшпиль выигран, несмотря на отсутствие «помощи» со стороны моего противника. Для любителей «бессмертных» партий это окончание является пустым звуком или скучнейшим шахматным этюдом. Между тем Алехин, ознакомившись с этим эндшпилем, признал его чуть ли не вершиной современной практической игры... Конечно, очень трудно сравнивать достижения мастеров прошлого столетия и современности, но можно с уверенностью сказать, что наша эпоха выдвинула таланты не меньшей силы, чем Морфи. Что касается прогресса шахматного искусства, то 20-й век принес неизмеримо больше, чем вся предшествующая история».

Линия Флора в шахматах — это продолжение линии Рубинштейна и Капабланки. Наиболее яркими ее представителями явились Ботвинник (многому научившийся у Флора), Петросян, Карпов и Крамник. Но и корифеи, в чьем творчестве риск, эмоции и чисто игровой момент играют большую роль, такие, например, как Алехин или Каспаров, не смогли бы достичь вершин, если бы не обладали высочайшей техникой позиционной игры.

Конечно, в современных шахматах появилось много такого, чего не знал Флор, но немало того, что считается сейчас само собой разумеющимся, появилось благодаря Сало Флору.

В 1933 году Флор впервые приезжает в Советский Союз. Он играет матч с молодым чемпионом страны Михаилом Ботвинником. Первая половина проходит в Москве, в Колонном зале, и на партиях матча ежедневно бывает до двух тысяч человек. Такого Флор не видел нигде! На него смотрят, как на чудо. Он выигрывает первую и шестую партии, и соревнование продолжается в Ленинграде. Энтузиазм публики здесь не меньший. После того как Ботвинник выигрывает девятую и десятую партии, овации в зале длятся пятнадцать минут, в течение которых зрители скандируют: «Ботвинник — Флор! Ботвинник — Флор!» Шахматная литература в обоих городах раскуплена вся, участников матча узнают на улице, для них забронированы правительственные ложи в театрах, а в гостиницах отведены лучшие номера.

И в Москве, и Ленинграде Флор проводит сеансы одновременной игры против сильнейших соперников на 50 досках. Сеансы, длящиеся более восьми часов. После матча он напишет: «Отвечая на упреки, что я не должен был во время такого ответственного матча брать на себя другие утомительные обязательства, хочу объяснить, что я считал своей прямой обязанностью не уклоняться от сеансов одновременной игры, о которых меня просили». Разумеется, после каждой партии Флор посылал, как обычно, сообщения о ходе борьбы в различные европейские газеты.

Он еще не знает, что профессия, приносящая кусок хлеба, и творчество должны быть четко отделены друг от друга. И что еще придет время, когда ему аукнется всё: и бесчисленные сеансы, и ночные репортажи в газеты Германии и Чехословакии, и другие обязательства, от которых «уклониться нельзя».

Смыслов, Бронштейн, Спаский и Корчной вообще скептически относятся к проигрышу Флором двух партий подряд. Смыслов: «Сало рассказывал мне, что тогда в Ленинграде получил в конце матча роскошный подарок — соболиную шубу. Правда, когда он в Праге

пошел к меховщику, оказалось, что шуба совсем не соболиная, а из хорька...»

После первого визита Флор бывает в СССР очень часто. И всегда его ждет королевский прием: официальные лица, фотографы, журналисты, болельщики. Вот заметка из хроники тех лет: «Прибывший в Москву чехословацкий гроссмейстер Флор вместе с доктором Ласкером присутствовал на первомайском параде на Красной площади». А вот еще одна, от 27 июня 1938 года: «Гроссмейстер Флор прибыл в нашу страну в шестой раз. Он намерен пробыть здесь несколько месяцев, отдохнуть и подготовиться к АВРО-турниру».

Несколько дней спустя Флор давал сеанс в московском Доме пионеров. Пятнадцатилетнему Яше Нейшгадту навсегда запомнился этот день: «Мы стали готовиться к сеансу задолго до этого — шутка ли: сам Сало Флор! Наконец он появился, со свитой сопровождающих, улыбающийся, в светлом бежевом костюме — таких тогда и не носил никто - и был встречен бурей аплодисментов». Такой же прием оказывали Флору всюду, где бы он ни появлялся: в Харькове, Киеве, Кисловодске...

Неудивительно, что он писал тогда: «Да, шахматным мастерам прекрасно живется в Советском Союзе!», «Да здравствует первая в мире шахматная страна — Советский Союз!». Флор, как и большинство писателей и интеллектуалов Запада, отважившихся до войны посетить СССР, судил о стране только по блестящему фасаду, и она казалась ему необычной и замечательной, так же, как Генриху IV показался восхитительным маленький городок, где он ненадолго остановился. «Для проезжающих, но не для тех, кто здесь постоянно живет», — почтительно заметил королю старый монах.

После оюсупации Чехословакии Флор скитается по дымящейся уже Европе. «Гитлер как будто преследовал меня по пятам, — вспоминал он позднее.

- Когда я был в Англии, начались бомбардировки Лондона. Я вернулся на континентальную Европу — Голландия капитулировала в течение двух недель». Флор играет в нейтральной Швеции, где уже поселился эмигрировавший из Австрии Шпильман, но кто может знать, как повернутся события, ведь Норвегия в конце концов тоже была оккупирована. Конечно, он помнит, что есть еще Советский Союз, его друг Андрэ Лилиенталь живет там несколько лет и уже получил гражданство. Флор принимает решение.

Когда римляне употребляли термин «emigrare», его значение для них было однозначно: «переселиться». У Цезаря это слово изменило окраску на — «покинуть родину». Позже оно стало означать насилие: «выгнать из страны». Если принять за определение эмиграции вынужденное или добровольное переселение в другую страну по политическим, экономическим или другим причинам, то в случае Флора это было и одно, и другое, и третье.

Парадокс его эмиграции заключался в том, что он уехал из свободного мира в несвободный. Но не только. Дело, которое являлось делом его жизни, было в этой стране несвободы делом государственной важности, а сам он — в большом почете. Правда, и за этот почет, и за сравнительно безбедное существование он должен был расплачиваться душой, частично умиравшей, частично перерождавшейся.

Через полгода война приходит и на его новую родину. Флор с женой покидает Москву и эвакуируется сначала в Среднюю Азию, а потом в Грузию. 1942 год. В Тбилиси его как знатного иностранца поселили в гостинице «Интурист». Там же жил и приехавший из Латвии известный певец Михаил Александрович, с которым Флор очень подружился. Как-то вечером в номер Александровича кто-то постучал. На пороге стоял расстроенный Флор: «На днях

пришла повестка из милиции. Когда мы пришли туда, нас стали горячо поздравлять. Оказывается, советское правительство удовлетворило мое ходатайство о предоставлении мне советского гражданства. У меня взяли мой чехословацкий паспорт и вручили советский. Напомнили, что по возвращении в гостиницу паспорт необходимо зарегистрировать. Я так и сделал. Утром мы с женой ждали, как обычно, что принесут завтрак. Его почему-то не несли. Не принесли и обеда. Когда я обратился к администратору, чтобы узнать, в чем дело, он объяснил, что кормить нас больше не будут, потому что мы не иностранцы. И добавил, чтобы мы подыскивали себе новое жилье, ибо нам не положено занимать номер: это гостиница для иностранцев».

Получив советский паспорт, Флор оказался в той же самой - и в совсем другой стране. В стране, где справедливость не имела силы, а люди верили или притворялись, что сила — это и есть справедливость. Спасаясь от фашизма, он даже не задумывался над тем, что зеркальные противоположности оказываются одной из форм тождества. И хотя ты еще заморская птица, с тебя уже слетело оперение, и тебе вручен документ, написанный уже не латынью, а кириллицей, и относиться к тебе можно, как к остальным пернатым, даже если у тебя и осталось необычное имя: Сало Флор. Он получил теперь возможность увидеть страну изнутри, а не только глядя на Кремль из номера «Метрополя» или «Националя».

После длительного проживания в России иностранцы утрачивают национальные черты, хотя никогда и не растворяются среди местных жителей. Иностранцы, оказавшиеся в то время в Советском Союзе, даже те, кто всё видел и понимал, вынуждены были мимикрировать и приспособливаться. Вступали в действие первичные законы, а ведь еще Дарвин говорил, что выживание полностью зависит от способности к приспособлению и изменению.

Быть исключительно осторожным. Не болтать лишнего. Не привлекать к себе внимания. Некоторые животные знают эту тактику: притаиться, переждать. Сидеть тихо. Чтобы потом жить. Чтобы вообще жить. Он прекрасно понял, что очень легко впасть в немилость, превратиться из почетного гостя в персону нон грата, и последствия этого могут быть непредсказуемы. Одно неосторожное слово могло стоить головы, как случилось с Владимиром Петровым, замечательным гроссмейстером из Риги, с которым Флор разделил победу на турнире в Кемери.

Он оказался в стране, полностью контролируемой госбезопасностью, и сам, как бывший иностранец, был зависим от этой организации. «Можно, конечно, потом притворяться, что это была просто уловка и что вы сказали так только затем, чтобы они перестали мучить вас, а на самом деле вы этого не хотели. Но всё это неправда. В то время, когда это произошло, вы думали, что сказали». Жестокие слова оруэлловской утопии; но, приняв правила игры, сам начинаешь следовать им, потому что жить несколькими жизнями сразу, как умели герои итальянского Возрождения, было и мучительно, и просто опасно в Советском Союзе.

Людам, не знающим таких раздвоений и содержащим свои принципы и убеждения в образцовом порядке, не позволяя проникать туда микробам сомнений, страха, конформизма, лжи, трудно понять то время и страну, в которой очутился Флор. И вторую его — советскую - жизнь можно рассматривать только с той временной площадки: все остальные дадут искаженную перспективу.

Что чувствовал он, когда воздух эпохи был перенасыщен фанатизмом? Во время кампании против низкопоклонства перед Западом, против тайных агентов буржуазии, «безродных космополитов», когда летели головы и поважнее его? Ведь ты тоже являешься космополитом в

советском смысле этого слова, то есть попросту «безродным евреем».

Имя Флора упоминается в книге «Советская шахматная школа» издания 1951 года, хотя концовка очерка о нем звучит скорее как приговор: «У советских мастеров, которые вносят много разнообразных идей в шахматную борьбу и неуклонно стремятся к инициативе, нельзя выигрывать, используя лишь техническое превосходство».

В энциклопедическом словаре «Шахматы», вышедшем уже после смерти Флора, его фамилия написана только по-русски, в отличие от всех остальных иностранцев, включая Либиенталю. «Ваш Флор», — говорили Смейкалу советские шахматисты. «Ваш Флор», — в тон им отвечал Ян, и обе стороны были правы по-своему, потому что Флор, живший в Москве, был, конечно, и пражским Flohr'ом.

Он жил на Второй Фрунзенской, где его можно было всегда увидеть выгуливающим любимую болонку Пешку. Она была как две капли воды похожа на ту, довоенную — Берри, выбежавшую во время футбольного матча в Риге на поле и пойманную хозяином под аплодисменты зрителей. Но и у московской Пешки были свои причуды: прежним хозяином собака была приучена таскать деньги из кармана, в чем убедилась однажды развесившая пиджаки на спинках стульев карточная компания, собравшаяся в двухкомнатной квартирке Флора и только после игры обнаружившая пропажу.

Первая жена его, Рая, не понимала и не хотела понимать того, чем занимался муж. Круг ее интересов был ограничен, и Флор не раз говорил, что всё, что читает его жена, ограничивается одной фразой: напишите сумму прописью. Ботвинник, которого нелегко было вывести из себя, заметил как-то, что если бы он был женат на Рае и узнал, что ему остается жить только один день, он посвятил бы этот день разводу с ней! Флор сам подумывал об этом, и, случалось, они с женой неделями не разговаривали друг с другом. Они познакомились у Большого театра, но, когда в браке возникли проблемы, Саломон Михайлович утверждал, что всегда обходит этот театр стороной. Жена не оставалась в долгу и не раз говорила: «Меняю сало на яйца», — и улыбалась одним ртом: она принадлежала к тому типу женщин, которые полагают, что смех способствует появлению морщин.

Немного было людей, с которыми он мог бы быть полностью откровенен. Одним из них был Пауль Керес - старый друг и коллега, человек похожей судьбы. Не случайно поэтому, что при встречах они нередко говорили по-немецки: не только потому, что это был язык их юности, но и потому, что он возвращал их в то время, когда они могли говорить, что думали, и бывать там, где хотели, не давая никому отчета.

Однажды в Центральном шахматном клубе, остановившись перед портретами чемпионов мира, которых он всех, кроме, разумеется, Стейница, хорошо знал, Флор произнес: «Вот самые нормальные великие сумасшедшие». Сам он не хотел быть таким, он просто хотел вести нормальную жизнь, спокойную и комфортную, без переживаний и волнений. Спасский сказал как-то: «Чтобы стать чемпионом мира, нужно быть немножко варваром, у вас должен быть развит инстинкт убийцы. В профессиональном спорте это обязательное условие».

У Флора не было такого инстинкта, а одного таланта недостаточно, чтобы стать чемпионом мира. Ему был дан талант с походом, но характер с недовесом, а для достижения постоянных успехов лучше иметь не такой уж выдающийся талант, но сильный характер, чем наоборот. У людей с сильным характером он, впрочем, обычно бывает скверным, и, несмотря на то, что Алехин иногда ходил в церковь, по складу характера он никак не принадлежал к

последователям того, кто объявил, что «кроткие наследуют землю». Хотя современники обычно не склонны смотреть сквозь пальцы на недостатки характера великих, история прощает их почти всегда, потому что память и бессмертие не знают нравственности и безнравственности, добра и зла, — мерилом служат только деяния и мощь, а это требует человека всего целиком.

В Персии имелась такая кара: тюремное заключение и смертная казнь через несколько лет. Это путь, который проходит каждый шахматист-профессионал: прежде чем становится ясно, что конец карьеры неизбежен, наступает период спада, постепенного, а иногда и резкого ухудшения результатов. У Флора этот период наступил в сравнительно молодом возрасте: последний его крупный успех относится к 1939 году, когда он выиграл турнир в Ленинграде, в котором наряду с Кересом и Решевским принял участие весь цвет советских шахмат, за исключением Ботвинника. Конечно, почти всё великое в шахматах сделано молодыми, но тогда ему был только тридцать один год - пора расцвета по меркам профессиональных шахмат того времени. Почему же Ботвинник ничего не зарыл в землю и на данные ему три таланта принес другие, а Флор, закопав свои, не принес на них ничего?

Он сам ответил на этот вопрос в конце жизни: «Война подорвала мое здоровье, расшатала нервы. Ряд моих шахматных концепций требовал решительного пересмотра. Особыми познаниями в теории дебютов я никогда не блистал, но в молодости это компенсировалось другими факторами. После войны по всему шахматному фронту повели наступление советские мастера. Они оттеснили не только меня, но и остальных ведущих мастеров Запада. И все-таки главная причина моих послевоенных неудач в другом. Борьба за шахматный трон требует фантастического трудолюбия, а у меня его не было. Я не проливал пота над шахматами. Без этого не обойтись. Избалованный своими прежними успехами, я после первых же неудач опустил руки, у меня не хватило характера, я перестал бороться».

Неудачами кончаются для него межзональный турнир 1948 года и турнир претендентов двумя годами позже. Он еще играет в Советском Союзе, в каких-то второразрядных турнирах за границей, но того Флора, перед которым трепетали, уже нет. Он и внешне изменился в этот период: округлился, постарел, потух. Конечно, когда стареешь, начинаешь хуже играть в шахматы; но, может быть, и стареешь оттого, что начинаешь хуже играть? Жить процентами с былой славы он не мог, потому что страна, в которой он оказался, требовала в первую очередь доказательств силы. А таким доказательством мог быть только успех.

Практическая игра отходит у него на второй план. Теперь она только дополняет его геральдику, но занимает всё меньшее и меньшее поле герба. Однако понимание игры по-прежнему было замечательным, и Флор помогал многим: Ботвиннику, Тайманову, Петросяну.

В матче Ботвинник — Бронштейн решающей явилась 23-я партия: чемпиону мира, проигрывавшему матч, победа была нужна как воздух. Партия была отложена в позиции, где два слона Ботвинника были явно сильнее коней Бронштейна. В то время матчи за мировую корону длились месяцами: играли не спеша - три партии в неделю, с откладываниями и свободными днями. После длительного раздумья Ботвинник записал ход и вместе с Флором покинул игровой зал. Записанный ход был весьма очевиден, и довольный Флор, перебирая в уме победные варианты, по обыкновению проводил Ботвинника до дома. Поужинав, они еще раз взглянули на позицию, и Сало отправился домой для окончательной шлифовки вариантов.

На следующее день Флор снова был у Ботвинника. «Сало, вы не могли бы показать варианты Ганочке? Я хотел бы один еще раз взглянуть на позицию», - сказал хозяин дома. Флор несколько оторопел, но все же принялся показывать что-то жене Патриарха, хотя та едва знала

ходы фигур. Через некоторое время Михаил Моисеевич вышел, друзья пообедали и направились к месту игры. Перед тем как подняться на сцену, Ботвинник тихо, чтобы никто не мог услышать, признался своему помощнику: «Вы знаете, Сало, я записал другой ход...» Слезы навернулись на глаза Флора, и он долго не мог забыть обиду от подозрительного и не доверявшего никому старого друга Миши.

За свою жизнь Флор дал тысячи сеансов одновременной игры. Это не только удовольствие для любителей и зрелище для публики, но и сравнительно легкий, лишенный стресса турнирный партии заработок для гроссмейстера. Сало Флор считался одним из лучших мастеров своего дела, хотя сеансы, даваемые им на Западе, не шли ни в какое сравнение с выступлениями в Советском Союзе. Флор очутился в стране, где поколения сидели за шахматной доской — такое даром не проходит. Не только в турнирах, но и в сеансах он сталкивался с игроками, порой знавшими дебют лучше, чем он сам, иногда даже ловившими его на варианты.

Шахматный коммивояжер, он исколесил с запада на восток и с юга на север эту огромную карту, на которой наискосок были напечатаны буквы: СССР. Нередко гроссмейстерам, приезжавшим в Бурятию или на Чукотку, сообщалось: вы у нас второй гроссмейстер, первым был Сало Флор. Он привык к этим частым поездкам: он всегда знал себя неоседлым, даже в своей поздней московской оседлости. Его стиль был словно создан для сеансов одновременной игры, которые он называл по-западному — симультанами: не делать ошибок, играть на технику, используя ошибки соперника. Как-то в Гааге, подойдя к столикам, где Флор давал сеанс, я увидел, что уже после дебюта почти во всех партиях разменены ферзи, и Саломон Михайлович с удовольствием разыгрывает равные или чуть лучшие окончания. Несмотря на возраст, он ненадолго задерживался у столиков.

В начале 80-х годов в венском «Пратере» Флор и Разуваев давали сеансы одновременной игры. Увидев количество желающих сразиться с гроссмейстерами, Разуваев подошел к немолодому коллеге: «Саломон Михайлович, если я раньше кончу, я вам помогу, конечно». Когда у Разуваева оставалось еще с десятков досок и он задумался над одной из позиций, кто-то легонько дотронулся до его плеча: «Юра, вам помочь?»

Если шахматные книги разбить на две категории - сиюминутные и «вечные», то всё, что написал Флор, в отличие от книг Тартаковера, Нимцовича, Алехина можно смело отнести к первой категории. Более того, книги, написанной Флором, вообще нет! Небольшой сборник, вышедший уже после его смерти, состоит из статей, разбросанных по разным журналам и газетам, зарисовок, репортажей с турниров и матчей на мировое первенство. Если «писать» — это просто другой термин для «разговаривать», то Флор писал, как говорил, не мучаясь в поисках слова, тем более что это и не привело бы к чему-нибудь путному: он писал не на родном языке. Но был ли у него такой? В его чешском слышались перепевы польского, немецкого. По-русски он говорил очень хорошо, хотя тоже не без акцента. Флор, как почти все, для кого русский язык не является родным, был не в ладу с буквой «ы», злоупотреблял в речи и при письме мягким знаком. Возможно, это неполное владение грамматикой и лексикой давало ему ту свободу обращения с языком, при которой иногда достигается большая выразительность речи; но редакторская правка была совершенно необходима для всего, что он писал.

Флор ездил по Европе, у него были лоск западной цивилизации, манеры, в той или иной степени он знал языки, были опыт, память и знание этого необычного мира — мира шахмат. Но так сложилась его жизнь, что он не очень-то любил читать книги: он был сам слишком наполнен мыслями, чтобы поглощать мысли других. Флор не принадлежал к тому слою людей в Советском Союзе, которые всю жизнь, преподавая, например, математику в школе,

вечерними и ночными часами могли рассуждать с редкими единомышленниками о философии Гегеля, раннем христианстве или иллюзорной природе материального мира. Либо вели дневник, в котором внешняя жизнь проходит контурной линией на фоне мощной жизни духа.

Как это нередко случается, будучи весьма остроумным, он не обладал ни основательным умом, ни широким образованием, но зато был доброжелательным, отзывчивым и добрым человеком. Когда он писал, то окунал свое перо в патоку и никогда не был ни Зоилом - критиком строгим, но придирчивым, ни даже Аристархом - суровым, но справедливым. Он писал благожелательно обо всех гроссмейстерах, хотя боготворил только одного — Мишу Таля.

Его статьи и репортажи, наполненные шутками и анекдотами, точно соответствовали французской поговорке, так часто повторявшейся Свифтом: «Vive la bagatelle!» [14]

И юмор его беззлобно-мягкий, которому скорее улыбаешься, чем смеешься, незамысловатый, как будто пришедший из еврейского анекдота, где соль нередко рассказывается в самой истории.

Флор в журналистике король,

Но я всё чаще замечаю:

Его острот малейших соль

Годится на десерт и к чаю.

Это из подписи к шаржу, висевшему много лет в ЦШК вместе с карикатурами на многих других известных гроссмейстеров.

Но и от таких репортажей Флора на не избалованных разнообразием стилей советских читателей веяло чем-то теплым, особенным. Он приоткрывал для них занавес в Гастингс и Лондон, Прагу и Амстердам, в загадочный и неведомый им Запад, частичкой которого был когда-то сам. Он стал тамадой на празднике предвоенных шахмат, полных славными именами, звучавшими как музыка: Ним-цович, Рубинштейн, Тартаковер. Шпильман, Маршалл. Но и его имя и фамилия, проносившиеся обычно на одном дыхании: Са-лофлор, сразу создавали аромат чего-то необыкновенного, и многолетняя рубрика его в «Огоньке» была читаема всеми, даже теми, кто был равнодушен к шахматам.

Он соблюдал правила игры: если по поводу повествований Тацита историки до сих пор не пришли к единому мнению, являются ли они заверениями в лояльности или хорошо замаскированным издевательством, то в писаниях Флора не следует искать двойного смысла: самоцензурой он владел не хуже любого советского журналиста.

Он всегда был готов предложить пари — на исход партии, турнира, матча, разыграть коллегу, обронить острое словцо. По окончании турнира в Гастингсе (1935) корреспондент рижской газеты Кобленц обратился к Флору с просьбой об интервью. «Поднимемся ко мне в номер, там будет спокойнее», — сразу согласился один из победителей турнира. «Which floor?» - спросил служитель в лифте гостиницы. «First, second and third with Euwe and Thomas», - отвечал Флор опешившему лифтеру.

В том же году Флор побывал на гастролях в Палестине. «Это вы тот самый Шмулик, который приезжал сюда мальчиком давать сеансы одновременной игры?» — спросили Сало. Нечего и

говорить, что для всех коллег Сэмми Решевский с тех пор навсегда остался Шмуликом.

Хорошо вижу Флора в пресс-центре матча Геллер — Корчной летом 1971 года. Короткая седая стрижка, мешки под глазами, очки, поднятые на лоб. Перед ним две пишущие машинки - с русским и латинским шрифтом, к которым он поочередно прикладывает: отчеты о партии должны быть готовы уже через несколько часов. Вот он отрывается от текста и, опуская очки на переносицу, вглядывается в позицию на демонстрационной доске. Потом встает и подходит к группе коллег. Его замечают. «Что вы думаете, Саломон Михайлович, много лучше у белых?» — кто-то обращается к нему. «А вы знаете, почему у Фишера нет секундантов?» - вдруг отвечает он вопросом на вопрос. Одновременно с московским матчем в Ванкувере проходит матч Фишер — Тайманов, и все ждут новостей из-за океана. Выдержав паузу, Флор объявляет: «Им для поездки в Канаду оформить характеристику в нью-йоркском спорткомитете не успели». И, не дожидаясь реакции слушателей, возвращается к своим пишущим машинкам.

Легким отношением к жизни и постоянными шутками он создавал впечатление жизнерадостного оптимиста, хотя оптимизм его, скорее, подходил под определение Кандида, объяснявшего своему слуге, что оптимизм - это страсть утверждать, что всё хорошо, когда на самом деле всё плохо.

Он был обидчивым и легкоранимым. В 1936 году на банкете в Ноттингеме Капабланка выступал с речью. Он сравнил этот турнир с Лондоном-1922, Нью-Йорком-1927, Москвой-1936 — со всеми, где он брал первые призы. Его прервал Флор: «А Москва 1935 года? А Маргет? А Гастингс?» — с места закричал он.

Во время матча в Багио Флор позвонил, как обычно, Смыслову и, продиктовав отложенную позицию, поинтересовался ее оценкой. «Ну а что эксперты говорят?» — спросил в свою очередь экс-чемпион мира. «Эксперты? Да какие еще могут быть эксперты! Мы вот с вами и есть самые главные эксперты! Скажет тоже, эксперты. Эксперты, эксперты...» - еще долго ворчат он.

Мог выговорить мечтательному Аронину, забывшему поздороваться с ним, а Спаский вспоминает, что, зайдя как-то в ЦШК, он увидел Флора и Кереса. «Привет старинным игрокам!» — приветствовал он обоих. Керес спокойно и с юмором отнесся к словам Бориса, но Флор почему-то вспылал: «А ты сам-то кто такой? Мелкий игрочишка, не более...»

Впервые я увидел Сало Флора в сентябре 1965 год в Сухуми, где проходило всесоюзное студенческое первенство. Знаменитый маэстро, отдохавший тогда в Абхазии, появился на пляже в легком белом костюме и с панамкой на голове. Его, конечно, все узнали, появились шахматы, и кто-то из участников турнира тут же спросил у Флора мнение об эндшпильной позиции, встретившейся у него накануне. Флор задумался на мгновение, а затем показал удивительный маневр слона, позволяющий решающим образом усилить давление на центральную пешку. Наблюдая за анализом молодых, он ничего не говорил, только изредка улыбался, следя за мельканием рук над доской, и только иногда, в случае слишком уж порывистого хода пешкой, указывал пальцем на соседнее поле, отдающееся в вечное владение неприятелю. Жест, который я перенял у него и употребляю до сих пор при анализе с молодыми шахматистами.

Он приезжал довольно часто в Голландию, и мы виделись: на турнире в Тилбурге, где он гостил несколько дней вместе со своей второй женой Татьяной, племянницей Есенина, или в офисе ФИДЕ, расположенном тогда в Амстердаме. В последний раз - ранней весной 1983 года,

за несколько месяцев до его смерти.

Мы встретились на площади в центре города и медленно прошли вдоль цветочных лотков, расположенных прямо на канале, до Монетной башни. Маленький, кругленький, седые, сильно поредевшие волосы, мешочки под слезящимися глазами, выцветшие зрачки, фазаньи складки кожи на подбородке, старомодный костюм, классический галстук, манжеты, запонки - он уже не был похож на Чарли Чаплина, скорее его можно было принять за рантье или служащего банка, наслаждающегося заслуженным отдыхом последнего периода жизни. Он останааливался то и дело, чтобы купить семена цветов, луковицы тюльпанов — друзьям на дачу, сувениры, подарочки: бело-голубые чайные полотенца с мельницами, брелоки для ключей, футболки «Аякса» — обычный туристский набор. «Ну, кажется, никого не забыл», — он заглядывал время от времени в длинный, заготовленный еще в Москве список.

Помимо шахматного был у Флора еще один дар. не многим данный: дар дарить. С этим чувством - дарения - рождаются, и не случайно во многих языках мира слово это - «дар» - имеет два значения. Когда его благодарили, он не понимал за что, хотя и мог бы сказать, как говорил изменившийся Дон Кихот: «Полноте, друзья мои, какой я рыцарь Ламанчский, я просто - Алоизо Добрый».

Мы прошли до конца цветочного базара и остановились у отеля «Карлтон», где в ноябре 1938 года Сало Флор присутствовал при переговорах Алехина и Ботвинника о матче на первенство мира. Его собственный, подписанный пол гола назад контракт потерю! всякий смысл: война в Европе становилась реальностью.

«Чемпион мира был в прекрасном настроении, даже сам заплатил за чай, — Флор улыбнулся, — это было на него совсем не похоже: Александр Александрович нелегко расставался с деньгами». Разговор зашел об Эйве, Ласкере, Капабланке, потом о Кмохе и Тартаковере. Для него история шахмат была не писаной книгой, а прожитой жизнью, и он дошел до той возрастной черты, когда прошлое будоражит сильнее настоящего, не говоря уже о будущем.

Иногда он спрашивал меня: «А вы помните Земиша?» или «Вы застали еще Боголюбова?» Как многие старики, он не учитывал возраста собеседника. Ему было тогда семьдесят четыре, он давно уже почувствовал ускорение времени, и дистанция в десять — пятнадцать лет не казалась ему таким уж долгим сроком, но те предвоенные десять лет, полные замечательных триумфов, растянулись для него на бесконечные годы. Это был лучший период его жизни, когда молодость, здоровье, успех и свобода слились в одно, и он с удовольствием возвращался в разговоре к людям того времени.

«Кофе, кофе, пора отдохнуть!» - воскликнул он. Как природный ленивец и сибарит, он принадлежал к той категории людей, которые начинают отдыхать, не успев устать. «Напротив этого моста должно быть кафе. Так было, во всяком случае, в 1932 году, когда я играл матч с Максом». Мы вышли к реке, на другом берегу уже виднелось массивное здание гостиницы «Амстел», в которой он жил во время АВРО-турнира, самого неудачного в его жизни. Был конец 1938 года, запах гари обволакивал уже Европу, и для Флора рухнуло буквально всё: матч на мировое первенство, страна, в которой жил, образ жизни, к которому привык.

«Вы знаете, когда я последний раз видел Боголюбова? Могу сказать точно: 18 марта 1939 года на турнире в Риге. Я помню этот день, потому что 15 марта немцы вошли в Прагу, и Боголюбов весь сиял, говорил, что наконец-то будет порядок в Европе; он ведь обожал тогда фюрера. Мы играли через три дня, и можете представить, как я хотел выиграть. В конце партии он сидел

красный, как рак. Когда он сдался, у меня была единственная мысль: это тебе за Прагу...»

В кафе он неожиданно ударил себя по лбу: «Вот ведь, старый дурак, я же кое-что для вас захватил из Москвы, памяти совсем нет! — и вытащил из сумки шахматную книгу. — Хотите, я надпишу вам?»

Он заговорил с официантом по-голландски, только изредка вставляя немецкие слова: еще до войны он прожил в Амстердаме в общей сложности около года и наслушался голландского вдоволь. Ирония и самоирония, игра слов, каламбуры и незамысловатые шутки были вплетены в ткань его речи, на каком бы языке он ни говорил. Он снова вспомнил Эйве: «Да, видно, я опять в чем-то проштрафился, если они меня не пустили на похороны Макса». И вздохнул.

«А кофеек-то был отличный. Да и солнышко, смотрите, выглянуло, не всё у вас дождю идти», — сказал Флор, когда мы снова вышли на набережную. У него была мудрость, присущая всем животным и нечасто встречающаяся у людей: испытывать удовольствие от радости момента — от чашечки кофе, от прогулки по амстердамской набережной, от неожиданно блеснувшего солнечного луча, от таксы, принявшей обнюхивать обшлага его брюк, от этой неторопливой беседы.

В отличие от многих людей в возрасте он не уходил от темы, когда речь заходила о смерти и умерших. Он говорил о друзьях и коллегах, превратившихся в надгробья и мемориальные доски, так, как говорили об ушедших римляне: они жили. Флор говорил о прошлом так, что я бы не удивился, если бы на ближайшем перекрестке мы встретили Тартаковера, только что отправившего в газету отчет о туре и решившего провести вечер в казино, дабы проверить, действительно ли число 26 такое счастливое, как вчера вечером в баре уверял его Алехин. Или увидели Файна с его голландской подругой, с которой Ройбен познакомился во время турнира и, женившись, увез к себе в Нью-Йорк. Он был, что называется, «causeur» [15], и слушать его было много интереснее, чем читать. Было жаль, что он не захотел или, скорее всего, просто не мог, живя в Советском Союзе, написать откровенно об Алехине и Капабланке, Эйве и Ласкере, — так, какими он их видел и знал, вместо сильно ретушированных портретов, вышедших из-под его пера.

«А какие дебюты вы стали бы играть с Алехиным, если бы такой матч состоялся? А если бы на дворе опять был сороковой год, поехали ли бы вы снова в Москву или остались бы в Лондоне?» — допытывался я у него.

«Если бы да кабы, — философски парировал он мои наскоки. — Знаете, как говорят поляки: если бы у тети были усы, она была бы дядей!» — и смеялся сообщенному мной еще более прямолинейному русскому эквиваленту о бабушке и дедушке. «Конечно, я избежал бы ошибок, которые сделал, но зато наверняка сделал бы много других...»

Мы снова пили кофе, а ранним вечером ужинали в китайском ресторанчике, неподалеку от зала «Беллеву», где почти полвека назад игралась последняя партия матча Алехин — Эйве и Флор был помощником своего друга Макса, ставшего в тот день чемпионом мира.

«Вы точно знаете, Гена, что это китайский ресторан? — спрашивал он. — Что-то мясо у них кисло-сладкое, прямо, как эсиг флейш. Вы знаете, что такое эсиг флейш?...»

Это был чудный день, и, как любой такой день, он прошел быстро. При прощании неожиданно прослезился и стал говорить о себе в третьем лице: «Сало Флор больше уже не приедет в

Голландию», повторяя самую трогательную фразу из всех платоновских диалогов, тоже сказанную о себе самом: «Платон, кажется, заболел...» На мои решительные возражения отвечал, что чувствует наверняка, что больше уже не увидимся. И сколько бы я ни повторял: «Что за чепуху такую вы говорите, Саломон Михайлович?» - твердо стоял на своем, и оказался прав, и я больше никогда не видел его.

Саломон Михайлович Флор умер в Москве 18 июля 1983 года.

Он родился в галицийском местечке Городенка, в Польше, входившей тогда в состав Российской империи (сейчас это небольшой городок в Ивано-Франковской области на Украине). Официальная дата рождения — 21 ноября 1908 года, но ни он, ни его брат Мозес, единственные оставшиеся в живых после погрома члены большой еврейской семьи, не могли припомнить точного числа, и в графе их рождения записали один и тот же день: 21 листопада. Брат, который был старше Сало на четыре года, заменил ему отца, и связь между ними никогда не прерывалась, даже когда Сало уехал в Советский Союз, а Мозес остался в Чехословакии.

Маленький Мотл из рассказа Шолом-Алейхема говорит: «Мне хорошо — я сирота», но вряд ли Флор мог повторить эти слова. Он не любил! вспоминать о своем детстве и никогда не говорил о том времени, может быть, потому, что в зрачки его глаз навсегда были врезаны картины тех дней. Из детского приюта в моравском городке Липник он был взят на воспитание в семью в городе Литомежице, когда местный раввин попросил прислать самого смышленного мальчика. Но Сало всю жизнь был далек от религии, в то время как Мозес до конца дней (он пережил брата) соблюдал обряды.

В 1924 году братья переезжают в Прагу; в том же году на их имя приходит вызов от Менделя Вилнера, владельца бакалейной лавки в Бруклине, отца троих детей, недавно натурализовавшегося гражданина Соединенных Штатов. Дядя приглашал обоих племянников к себе, и они стали собираться в дорогу. Но кончилась квота на въезд в Америку, и Сало остался в Праге. Он закончил только два класса экономической школы и рано начал работать.

Красивый миниатюрный мальчик, одетый в униформу, должен был стать живой рекламой фирмы, занимавшейся продажей пищевых продуктов. Новичок справился с первым заданием отлично: уже через полчаса он вернулся за очередной порцией. Сало снова выкатил свою тележку на пражские улицы, но когда вскоре он вернулся за новым товаром, это уже вызвало подозрения, и решили проследить, как происходит процесс рекламы у нового служащего. Завернув в первый же переулок, мальчик стал жадно поедать содержимое бочонка со съестным...

В писчебумажной фирме он продержался дольше, но работа там стала только прелюдией к чудным вечерним часам, когда можно было играть в шахматы.

Как сложилась бы судьба Сало Флора, попади он тогда в Америку? Стал бы он завсегдаем какого-нибудь шахматного кафе в Бруклине или членом Манхэттенского клуба? Конкурировал бы с Решев-ским и Файном в местных чемпионатах, а потом и в крупнейших европейских турнирах, став тем, кем он стал: одним из сильнейших гроссмейстеров мира и звездой первой величины? Или бросил бы игру, став, как и многие эмигранты, приезжавшие тогда в Америку из Восточной Европы, доктором, адвокатом, бухгалтером, актером или, как дядя, торговцем и благопристойным отцом семейства?

Что было бы, останься Саш во время войны в Праге? Мозеса, попавшего в 1943 юлу в лагерь,

спасло то, что он брат известного шахматиста. Но что стало бы с самим Флором в то кровожадное время, когда грань между жизнью и смертью почти стерлась?

Он не оставил мемуаров. Всё отшучивался: «Я еще слишком молод, чтобы писать воспоминания». Время, в которое выпало ему жить, оказалось нелегким, но я думаю, что еще труднее Флору было бы рассказывать о своей жизни. Она получилась такой, какой получилась, и оказалась совсем не короткой. И кисло-сладкой, как всякая жизнь, как «эссиг флейш» — блюдо, которое так замечательно умела готовить его мама в маленьком кьлицийском местечке.

Июль 2002